

РАЗДЕЛ V. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.072.2

Волгутова А.В.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ В ОСМЫСЛЕНИИ КОНЦЕПТА «СУДЬБА»*

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам изучения концепта «судьба». Основная цель – исследование формирования концепции «судьба» в контексте литературно-художественных и философских исканий русских и зарубежных мыслителей. Согласно статье, основной формой создания судьбы в искусстве является исследование поступков человека, выявление их причин и следствий. Проблемы, затронутые в статье, представляют большой интерес в современном литературоведении.

Ключевые слова: концепт «судьба», искусствоведение, литературоведение, философия, русская общественная мысль, зарубежная общественная мысль.

Проблема изображения судьбы отдельного человека и целого этноса занимает особое место среди проблем искусства. Изучение концепта «судьба» находит место в целом ряде наук: философии, психологии, социологии, литературоведении. В настоящее время этот вопрос оживленно обсуждается в теории литературы, и получил реализацию в виде споров о литературном герое, персонаже, характере. По мнению философа Н.А. Бердяева: «Основная тема нашей эпохи есть вместе с тем и основная тема истории – тема о судьбе человека» [3, 142].

Понятие «судьба» является отражением участия человека в формировании своей жизни, его определения в бытии как субъекта. Существует определенная двойственность в понимании данного концепта. С одной стороны, судьба трактуется как внешняя предопределенность человеческой жизни, с другой стороны, акцентируется внимание на внутреннюю детерминацию бытия человека как результат его собственного выбора. Таким образом, это противоречие подчеркивает взаимосвязь, взаимовлияние внешнего и внутреннего мира человека и индивидуализирует сте-

пень активности в определении своего жизненного пути.

Феномен судьбы вызывал интерес у людей разных времен и народов. Во многих произведениях устного народного творчества, в частности в пословице «Судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет», судьба обрекает человека на несчастливую долю. В самом начале человеческой истории для человека, чувствующего себя беспомощным по сравнению с огромным непонятным миром, характерно представление о судьбе как о неумолимом роке.

Вопрос о том, что же такое судьба, вызывает оживленные споры и давно является объектом пристального внимания. Отвечая на этот вопрос, В.И. Даль ставит в один ряд судьбу, суд, судилище и расправу. «Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения; что суждено, чему суждено сбыться или быть. Такая судьба, судьбина его, так ему суждено. Судьба моя, судьба, судьбинushка злая! Судьбы мн. и суды мн. — провиденье, определение Божеское, законы и порядок вселенной, с неизбежными, неминуемыми последствиями их для каждого. Судьбы Божьи неисповедимы. Воля судеб» [6, 511].

Философский словарь под редакцией И. Фролова так трактует концепт «судьба»: «Судьба – понятие, выражающее представление о некой силе, предопределяющей все события в жизни людей. В нефилософском смысле понятие С. употребляется также для выражения стечения обстоятельств в жизни человека или целого народа» [10, 442].

В мифологической ткани гомеровских поэм идея судьбы (олицетворенной Мойрами) занимает особое место. Судьба представляется не только и даже не столько подчиненной Зевсу и другим олимпийским небожителям, сколько равной им, а иногда и господствующей над ними. Можно предположить, что здесь имеет место пред-

* © Волгутова А.В.

ставление о судьбе, как о смутном предчувствии фатальной и космической закономерности. В Ведах имеется сходное представление о *рите*, а в Китае в эпоху создания «Ицзин» - представление о небе как верховной природно-общественной закономерности.

Отличительной особенностью китайской философии является одна из основных её категорий - понятие *дао* (в первоначальном значении - путь, дорога), впервые сформулированное в книге «Даодэцзин», появившейся в IV- III вв. до н. э., но приписанной мудрецу Лао-цзы, который, согласно преданию, жил одновременно с Конфуцием (VI - V вв. до н. э.). Весьма близко понятие *дао* и к идее судьбы: автор «Даодэцзин» призывает соблюдать во всем естественный закон *дао* и не делать попыток изменить неизбежное течение вещей (концепция так называемого недеяния).

В тесной связи с понятием «судьбы» находится понятие фатализм. Согласно Сартру, истинной противоположностью свободе является фатум, судьба. Иллюстрацией такого понимания может служить небольшая новелла «Фаталист» в повести М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где предполагается множество толкований, оставляя в данном случае вопрос о существовании фатума открытым. На теоретическом же уровне понятно, что идея предопределения ставит человека в положение объекта - марионетки, которую двигают за ниточки. Это не только противоречит опыту повседневной жизни, но и снимает ответственность за содеянное.

В философии ответ на вопрос, поставленный в новелле, дал Кант, правда, имея в виду не фатум, а окружающую человека среду. Его ответ состоит в том, что среда во многом действительно влияет на поведение человека. Здесь правомерно ставить вопрос о его ответственности, так как человек не только включен в цепи причинения, но и способен начинать причинный ряд, реализовать то, что Кант называл «причинностью из свободы». Отсюда линия, представленная Руссо, Сартром и другими мыслителями, суть которой состоит в том, что человек рождается свободным и должен нести бремя свободы до самой смерти, свободен даже «под клещами палача» и т. д. Идея фатума не противостоит свободе, не соотносится никаким образом с ней. Она ее теоретически уничтожает. Мотивом неизбежной судьбы проникнуты многие произведения Шекспира, Шиллера, Александра Дюма.

По мере раскрепощения человеческой личности представления о судьбе претерпевали сильные изменения. Исследования народных представлений о «судьбе-доле» показывают, что

представления родового общества об общей родовой, прирожденной судьбе, возникшие в связи с культом предков, впоследствии сменяются идеей личной судьбы, которая индивидуальна и присуща тому или иному человеку. Судьба не прирожденная, но как бы навеянная со стороны, в характере которой повинен сам ее носитель. С развитием индивидуализма судьба человека оканчивается его личной судьбой и воспринимается как его второе бытие, и часто отделяется от самого человека, персонифицируется. Эта персонификация происходит тогда, когда внутренний конфликт в человеке, конфликт между страстью и разумом, достигают наивысшей силы.

Философы XX-XXI века так и не пришли к единому взгляду на концепт «судьба». Одни ученые, например О.Я. Сивков, придерживаются мнения, что судьба – «закономерная неизбежная и единственно возможная цепь событий» [9, 9]. Он считает, что «если бы мы могли предсказать неизбежное нежелательное событие, то предотвратить его мы не сможем. Это получится потому, что нам что-то помешает, какие-то неизвестные, непредвиденные события. Но именно в этих событиях и будет выражаться неизбежность судьбы. Если же мы смогли, как нам кажется, предотвратить нежелательное предсказание, то это лишь может служить доказательством того, что предсказание не было истинным. Судьбу предотвратить невозможно. А то, что “исправляется”, это не было судьбой. В данном случае судьбой является “предотвращенный” ход событий» [9, 20].

Другие, например Н. Гартман, отходят от идеи предопределенности судьбы. Судьба – это социальные отношения, обстоятельства, в которые заключен человек. А тяжелая власть рока ничто иное, как тяжесть самой реальности. «Рядовой человек испытывает социальные отношения, в которых он пребывает, как род длящегося фона, на котором выделяются лишь отдельные случаи. Он испытывает их, как испытывают вкус хлеба насущного; он испытывает их, одобряя или отрицая, чувствует поддержку или гнет с их стороны, но он не может безоговорочно выйти из них. Он в них заключен. А эта заключенность, в свою очередь, воспринимается как власть, как гнет, как судьба» [4, 386].

В значении «история существования» понятие судьбы не является противоположным понятию свободы и предполагает единство внешней и внутренней детерминации человеческой жизни. Некоторые ученые (например Г.С. Шевичков) рассматривают судьбу как обобщенную характеристику человеческой жизни, на протяжении

которой человек взаимодействует с жизненными обстоятельствами. «Судьба человека - это и его доля, что ему назначено, определено природой, его место в ней, и еще это день завтрашний, что его ждет впереди, как он завершит свой путь. В силу понятных причин тема эта требует бесстрастия и осторожности; громким эхом может здесь отозваться и слово и умолчание» [11, 240].

Субъективная обусловленность феномена судьбы, ее зависимость от внутреннего мира человека, связь с временными характеристиками жизни (обращенностью человека к своему настоящему, будущему и прошлому) показана в работах психологов XX-XXI века. В отечественной психологии судьба рассматривается как выбор стратегии жизни в концепции жизненного пути личности. «Судьба – история жизни, понятая в соответствии с особенностями взаимодействия человека с жизненными ситуациями, в соответствии с проявлениями его активности в жизнедеятельности» [7, 365].

У каждого писателя есть своя концепция судьбы, свои взгляды на развитие героя, на его внутренние и внешние ориентиры. В своей общелитературной совокупности такие писательские концепции создают единую художественную концепцию судьбы, отражающей исторические и социальные изменения жизни. «Говорят, что пути господни неисповедимы. Какая любопытная, захватывающая картина явилась бы нам из-под пера того, кому удалось бы проследить судьбу каждого из нас так, как сложилась она от рубежа, помеченного тридцатым годом, до нынешних дней! Но кто возьмет на себя сей труд? Летописцы давно перевелись на нашей земле, да и по силам ли такая работа одному человеку? Не лучше ли сосредоточиться на какой-нибудь одной или нескольких судьбах и последовать за ними? Но и за ними уследишь ли?..» [1, 150].

Литературовед Н. Гартман считает, что судьба – один из содержательных слоев литературного произведения и раскрывается она в ситуации и действии. Но здесь упускается внутренняя жизнь героя. Основной формой создания судьбы в искусстве является исследование поступков человека, выявление их причин и следствий не только внешних, но и внутренних. Эти исследования отражают и мировоззренческие, и психологические установки личности героя. Автор так или иначе освещает воздействие «внешних» событий на течение психических процессов, душевный строй людей, нравственные искания действующих лиц его произведений. Взаимопроникновение «внешнего» и «внутреннего» неоднозначно; оно принимает разный облик, но одновременно

с тем представляет собой неотъемлемую часть произведения. Вера в возможность преобразования судьбы благодаря активной роли самой личности и эффективному воздействию «внешних» общественных перемен составляют пафос многих произведений.

«Таким образом здесь (в эпической поэзии), как в эпосе, предлагается и раскрывается действие в его борьбе и развязке, высказываются и борются духовные силы, усложняя привходят случайности, и человеческая деятельность оказывается связанной с деятельностью всеопределяющей судьбы или руководящего провидения, царящего в мире; но действие не проходит перед нашим внутренним оком только во внешней форме его реального протекания, как происшествие, уже состоявшееся и оживленное лишь простым рассказом» [5, 226].

По мнению Гегеля, «судьба царит в эпосе», а не в лирике или драме. В драме случается то, что должно быть, события неизбежно оказываются такими, какими и должны. «Драматический характер сам создает свою судьбу, благодаря особенностям своей цели, которую он хочет достигнуть в полноте коллизий среди данных и осознанных обстоятельств; для эпоса же судьба является извне, и эта сила обстоятельств, придающая поступку его индивидуальную форму, уделяющая человеку его жребий и определяющая исход его поступков, есть настоящее руководство судьбы» [5, 255].

Художественная ценность судьбы при построении характера представлена в трудах известного литературоведа М.М. Бахтина. «И самый ход жизни личности, все события ее и, наконец, гибель ее воспринимаются как необходимые и предопределенные ее определенной индивидуальностью - судьбой» [2, 162].

М.М. Бахтин создает художественную концепцию судьбы, его понимание этого концепта отлично от обычного, широкого его понимания. «Судьба - это всесторонняя определенность бытия личности, с необходимостью предопределяющая все события ее жизни; жизнь, таким образом, является лишь осуществлением (и исполнением) того, что с самого начала заложено в определенности бытия личности» [2, 161].

С одной стороны, личность строит свою жизнь в соответствии со своими мыслями, желаниями и целями, с другой же стороны, лишь осуществляет необходимость своей судьбы.

Синтезирующий характер художественного освоения мира проявляется прежде всего в том, что происходящие в действительности процессы, социальное бытие, духовная жизнь чело-

века характеризуются не через последовательное описание их черт, а путем отбора определенного комплекса свойств, качеств, который раскрывает в этих явлениях примечательное в том или ином отношении.

«Судьба — это художественная транскрипция того следа в бытии, который оставляет изнутри себя целями регулируемая жизнь, художественное выражение *отложения* в бытии изнутри себя *сплошь осмысленной* жизни. Это отложение в бытии тоже должно иметь свою логику, но это не *целевая логика* самой жизни, а чисто художественная логика, управляющая единством и внутренней необходимостью образа» [2, 161].

Она является тем центром, откуда исходят и куда сходятся все составляющие произведения. «Судьба есть основная ценность, регулирующая, упорядочивающая и сводящая к единству все трансгрессионные герою моменты; мы пользуемся венаходимостью герою, чтобы понять и увидеть целое его судьбы. Судьба — это не *я-для-себя* героя, а его бытие, то, что ему дано, то, чем он оказался; это не форма его заданности, а форма его данности. Классический характер и создается как судьба» [2, 162].

В подтверждении этих слов выступает и литературовед В. Литвинов, считающий характер и судьбу единым целым: «...характер — это судьба. Посеешь поступок — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу» [8, 267].

Одним из важнейших постулатов теории М.М. Бахтина является открытие ценностной категории рода (народа, нации, традиции). Раскрытие роли народа имеет важнейшее значение особенно для эпического творчества как преобразующей силы, способной достигнуть обновления общества. Эта идея может быть выражена и в прямой форме, форме рассказа о крупных исторических событиях, в которых различные слои народа принимают активное участие, и в более опосредованном виде — во внутреннем течении повествования, объемно характеризующем развитие социальной жизни, психологии, быта людей.

Категория рода является почвой, культурным контекстом, на котором возможно полноценное раскрытие судьбы. «Ценность рода как категории утвержденного бытия дружности, затягивающего и меня в свой ценностный круг свершения, — вот почва, на которой возрастает ценность судьбы (для автора)» [2, 164].

Литературный герой — это совокупность всех общественных отношений, и ещё многого того, что являет судьбу, неповторимую индивидуальность и субъективность человека. И задача

писателя «добираться до самого «человечного» в натуре и судьбе героя, высвечивать наиболее дальние и таинственные уголки его души. А там то нередко обнаруживается такое, о чем и сам человек не догадывается, но отчего, бывает, зависит вся его судьба» [8, 257].

Таким образом, основываясь на изложенных в данной статье наблюдениях за формированием художественной концепции судьбы, можно сделать следующие выводы: основной формой создания судьбы в искусстве является исследование поступков человека, выявление их причин и следствий как внешних, так и внутренних; с одной стороны, герой строит свою жизнь в соответствии со своими мыслями, желаниями и целями, с другой, лишь осуществляет необходимость своей судьбы; в произведении важно сохранить веру в возможность преобразования судьбы благодаря активной роли самой личности и эффективному воздействию «внешних» общественных перемен.

Философская концепция судьбы строилась на основе споров о предопределенности и свободе выбора, психологические и социологические концепции предполагали изучение концепта «судьба» как выбора стратегии жизни в концепции жизненного пути личности.

По нашему мнению, литературоведческий аспект в понимании концепта «судьба», является синтезом философских и психологических аспектов: с одной стороны, судьба трактуется как внешняя предопределенность жизни героя; с другой стороны, судьба рассматривается как история жизни, которая формируется под влиянием различных жизненных ситуаций и проявлений активности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеев М.Н. Драчуны [Текст] / М.Н. Алексеев. — М.: Современный писатель, 1998. — 448 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа [Текст] / Н.А. Бердяев. — М.: Республика, 1994. — 480 с.
4. Гартман Н. К основоположению онтологии [Текст] / Н. Гартман. — СПб.: Наука, 2003. — 640 с.
5. Гегель. Сочинения. Лекции по эстетике [Текст] / Гегель. — Т. 14. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. — 440 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / В.И. Даль. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 640 с.
7. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека [Текст] / Е.Ю. Коржова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2006. — 384 с.

8. Литвинов В. Плата за талант [Текст] / В. Литвинов. – М.: Советский писатель, 1988. – 368 с.
9. Сивков, О.Я. Судьба как неизбежная цепь событий. Основы теории философии [Текст] / О.Я. Сивков. – М.: Изд-во Ассоциация «Коньково», 1994. – 32 с.
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
11. Шевяков Г.С. Человек и его судьба [Текст] / Г.С. Шевяков. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 272 с.

A. Volgutova

LITERARY CRITICISM AND PHILOSOPHICAL ASPECTS IN UNDERSTANDING OF «FATE» CONCEPT

Abstract. The given article is devoted to the problems of “fate” concept study. The main aim is the research of formation of “fate” conception in the context of literary - artistic and philosophical searchings of Russian and foreign thinkers. According to the article, the research of man actions, exposure of their causes and effects are the main form of fate creation in the art. The problems, touched upon the article, are of great interest in the study of modern literature.

Key words: «fate» concept, literary criticism, philosophy, Russian public thought, foreign public thought.